



Юрий Ямидов

**фабрика  
СВЯТОСТИ**

# Юрий Ямилов

## фабрика святости

*<https://litres.ru/74121902>*

*SelfPub; 2026*

### Аннотация

Что, если величайшая история человечества была спланирована от начала до конца? 30 год н. э. Прокуратор Понтий Пилат запускает секретную операцию: создать Бога. Того, кто скажет «кесарю — кесарево» и воскреснет по расписанию. Чудеса — инженерия, апостолы — агенты, воскресение — логистика. Но когда твой крест настоящий, а вера людей — искренняя, где кончается ложь и начинается правда? Производственный роман о самом успешном спектакле в истории. Для тех, кто не боится вопросов.

# Юрий Ямилов

## фабрика святости

### ФАБРИКА СВЯТОСТИ. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

#### Глава 1. Контракт

Прокуратор Иудеи не любил Иерусалим. Город пах жареным мясом, ложью и болезненной верой. Каждый камень здесь молился, и каждый молящийся ненавидел Рим. Но Понтий Пилат был солдатом, а солдату не обязательно любить место службы — достаточно бояться своего императора больше, чем врагов.

Тиберий требовал налогов.

Послание пришло накануне, с вечерней сменой гонцов. Запылённый всадник в кожаном панцире, сменивший трёх лошадей от Антиохии до Иерусалима, передал его лично в руки страже претория, а та, проверив печать, вручила Пилату за ужином. Три строки на латыни, выцарапанные стилем на вощёной табличке — деревянная рамка с чёрным воском, сложенная пополам и перевязанная бечёвкой с сургучной печатью. Без приветствий. Без объяснений:

*«Казна пуста. Парфяне дают на восток. Иудея должна дать в два раза больше. Если нет — найду того, кто сможет. Твои успехи замечены, Пилат. Не разочаруй меня».*

Пилат перечитал трижды. Потом провёл пальцем по сургучу — печать Тиберия, подлинная. Нагрев воск, прокура-

тор расправил табличку, пробежал строки ещё раз. Золото — вот бог Рима. Иудейский обычай поклоняться единому можно было терпеть, пока он платил. Но в этом году урожай подвёл, Галилея бунтовала, а храмовые сборы уходили в карман первосвященника Каиафы.

Пилат вышел на плоскую крышу претория. Ночь остывала, звёзды над Елеонской горой горели холодно. За стеной спал город, который не хотел платить.

В дверь постучали. Пилат не обернулся.

— Входи, Клавдия.

Жена прокуратора — римлянка из знатного рода, дочь сенатора, который когда-то верил в богов, а под конец жизни разочаровался — вошла тихо, босиком, в льняной тунике.

— Ты не спишь. Опять послание от Тиберия?

— Опять, — ответил Пилат. — Ему нужны деньги. Много денег. А евреи не хотят платить.

— И что ты сделаешь?

Пилат повернулся к ней. Клавдия смотрела на него спокойно, без страха, без осуждения. Только любопытство.

— Я думаю дать им то, чего они хотят. Царя. Мессию. Бога, который скажет: платить налоги — святое дело.

— И ты создашь этого бога?

— Да.

Клавдия помолчала. Потом подошла к балкону, встала рядом с мужем.

— Я буду молиться за него, — сказала она. — За твоего

бога. Настоящему Богу. Яхве. Или тому, кто есть на небе.

— Ты веришь в Бога?

— Я верю в любовь, — ответила Клавдия. — Если Бога нет — значит, любовь — единственное, что остаётся. Если Бог есть — значит, любовь — это он сам. В любом случае, я буду молиться. За него. За тебя. За всех, кого вы обманете.

Она ушла. Пилат остался один.

— Ты слишком добра для этого мира, — сказал он вслед.  
— И для меня.

Никто не ответил.

— Пришли его, — тихо сказал прокуратор слуге.

Через час в комнату вошёл грек Гермоген. Бывший учитель риторики, ныне — секретарь по особым поручениям. Платный философ с глазами мясника.

— Ты читал пророков Иудеи, — не спросил, утвердил Пилат.

— Исайю, Даниила, Иезекииля. Скучные книги. Много крови и обещаний. — Гермоген сел без приглашения.

— Им нужен мессия. Царь, который освободит их от Рима. Сколько таких уже было? Десять? Двадцать? — Пилат налил красное вино в глиняную чашу. — Все они кончали на кресте или под ножом. Но ни один не заставлял евреев платить налоги с радостью.

— Ты хочешь повторить чужую ошибку? — Гермоген прищурился. — Я слышал про твоего галилейского пророка три года назад. Того, который начал войну вместо пропове-

ди.

Пилат помрачнел. Тот провал стоил ему трёх легионеров и доноса в Рим. Он тогда думал, что достаточно контролировать человека страхом. Оказалось — нет. Истинный пророк не подчиняется. Любовью управлять нельзя. Ей можно только подражать.

— Тот был черновиком, — сказал прокуратор холодно. — Я учёл ошибки.

— Создать бога, который исчезнет? — Гермоген усмехнулся. — Это не ново. Египтяне делали это веками.

— Наш бог воскреснет. Это главное. И после воскресения он уйдёт в тень. Навсегда.

Гермоген подался вперёд:

— Зачем ему это? Зачем тебе это?

— Ему — за деньги. За свободу. За жизнь сестры. — Пилат пожал плечами. — Каждый продаётся. Вопрос цены.

— А тебе?

Пилат помолчал. Посмотрел на луну.

— Я хочу проверить, есть ли Бог на небе, — сказал он тихо. — Если наша подделка сработает — значит, настоящий Бог либо слеп, либо его нет. А если настоящий Бог явится и остановит меня — я первый паду на колени. Но он не явится. Он никогда не являлся.

— А если он явится после того, как ты создашь фальшивку? — спросил Гермоген. — Если он решит наказать тебя за богохульство?

— Тогда я приму наказание, — сказал Пилат. — Но я должен знать. Я не могу жить с вопросом.

Гермоген покачал головой.

— Ты безумен, прокуратор.

— Возможно. Но это моё безумие. И оно спасёт Империю от голода.

Пилат замолчал. Внизу, у городских ворот, прокричал ночной страж.

— Мы начнём набор через месяц, — прокуратор повернулся к гостю. — Ты найдёшь мне двенадцать человек. Иудеев, эллинов, ессеев. Бывших воинов, бродячих философов, храмовых певчих — любых, кто сможет пройти отбор. Я даю тебе триста динариев на первый этап.

— А если ни один не подойдёт? — Гермоген всё ещё испытывал его.

— Ты знаешь цену неудачи.

Пилат взял стиль и начеркал на новой восковой табличке несколько имён.

— Вот твои помощники. Врач Никодим — у него долг перед Римом после неудачной операции. Центурион Лонгин — его брат в гладиаторах, ему нужны деньги на выкуп. Иосиф Аримафейский — задолжал казне за торговлю благовониями.

— Все они — должники, — заметил Гермоген. — Преданность через страх.

— Лучшая преданность, — кивнул Пилат. — За идею

умирают. За страх молчат. Мне нужно молчание.

Он передал табличку Гермогену.

— Каждый знает только свою часть. Никто не знает весь замысел. Вопросы?

— А ты знаешь?

— Я знаю, что если мы провалимся, Тиберий убьёт нас всех, — усмехнулся Пилат. — Это знание достаточное.

Гермоген взял табличку и вышел.

Пилат остался один.

Он взял послание Тиберия, провёл пальцем по воску, размягчённому нагревом, и с усилием затёр строки. Потом дописал поверх: *«Готовится к отправке. Ждите результат»* — и снова запечатал.

В дверь снова постучали. Клавдия вернулась — с небольшим глиняным светильником в руках.

— Я помолюсь сейчас, — сказала она. — Ты не против?

— Делай что хочешь, — ответил Пилат.

Клавдия поставила светильник на стол, закрыла глаза и начала шептать — по-арамейски, хотя почти не знала языка: *«Шма Израэль, Адонай Элохейну, Адонай Эхад»*...

Пилат слушал. Потом не выдержал:

— Ты молишься Богу евреев? Зачем?

Клавдия открыла глаза.

— Потому что кто-то должен молиться, — сказала она. — Вы собираетесь обмануть мир. Вы создадите фальшивого бога. И вы сделаете это так искусно, что миллионы поверят.

Но настоящий Бог — если он есть — не простит вас. И не простит тех, кто промолчал.

— А ты не молчишь?

— Я молюсь. Это не молчание.

— Это молчание, — сказал Пилат. — Ты не идёшь к первосвященникам. Не кричишь на улицах. Не останавливаешь меня. Ты просто зажигаешь светильник и шепчешь слова.

Клавдия помолчала.

— Да, — сказала она наконец. — Я боюсь. Я боюсь тебя. Боюсь Рима. Боюсь, что если я скажу правду, меня убьют. И тогда я не смогу молиться вовсе. А молитва — единственное, что меня спасает от мысли, что мир — это просто грязь и кровь.

Она взяла светильник и вышла.

Пилат остался один.

Он посмотрел на пустой кубок и поднял глаза к потолку, за которым было небо.

— Прости меня, Яхве, — сказал он пустой комнате. — Если ты есть — порази меня сейчас. Я проверяю твоих людей. Если они купятся на фальшивку — значит, твоя вера стоит не больше, чем мои динарии. А если среди них найдётся тот, кто поймёт правду и всё равно поверит... тогда, может быть, ты и вправду есть.

Никто не ответил.

Но в ту же секунду — или ему показалось? — пламя светильника дрогнуло, хотя ветра не было.

Пилат нахмурился. Потом усмехнулся:

— Сквозняк.

Он загасил светильник.

Ветер стих. Иерусалим спал.

Прокуратор вышел на балкон и улыбнулся — криво, с горечью.

— Богов нет, — сказал он сам себе. — Есть только налоги. И мы только что начали производство самого дорогого товара в мире.

Он вернулся в комнату и начал писать секретный план операции под названием «Сын Человеческий».

## Глава 2. Кандидаты. Сито

### I. Первый этап — тело

Крепость Масада пустовала с прошлого восстания. Римляне держали там гарнизон в двадцать человек. Идеальное место для того, кого не должны были найти ни первосвященники, ни случайные соглядатаи.

Двенадцать мужчин привели туда в разные дни. Каждый думал, что он единственный. Каждому пообещали нечто разное — свободу, деньги, женщину, землю, жизнь близкого человека. **Никто из них не знал правды.** Все верили в легенду: тест для отряда секретных агентов Рима. Особое задание. После выполнения — полное прощение долгов, земельный надел в Галилее или гражданство.

— Им не нужно знать правду, — сказал Гермоген Пилату перед началом. — Правду узнает только победитель. И только в самом конце. Если узнает раньше — сломается. Или сбежит.

— А если победитель сломается после того, как узнает? — спросил прокуратор.

— Значит, ты ошибся в выборе. И мы начнём сначала.

Пилат кивнул. Время работало против него — Тиберий требовал налогов уже через год.

*«Начинать сначала я не буду, — подумал прокуратор. — Я скорее убью победителя и выберу другого из отказников. Или никто не узнает правды. И он останется богом для всех, включая себя самого».*

## **Двенадцать.**

Их имена были стёрты из списков легионов, из храмовых записей, из долговых расписок. Для внешнего мира эти люди перестали существовать в тот момент, когда перешагнули ворота Масады.

Гермоген смотрел на них сверху, с крепостной стены. Двенадцать фигур во дворе. Кто-то молился. Кто-то проверял снаряжение. Кто-то просто сидел, уставившись в землю.

— Через месяц здесь останется один, — сказал он стоящему рядом Лонгину. — Как думаешь, кто?

Центурион молчал долго. Потом ткнул пальцем вниз.

— Вон тот. С краю. Который не молится и не проверяет. Просто сидит.

Гермоген прищурился. Мужчина лет тридцати, худой, с обветренным лицом. Руки в мозолях — плотник или рыбак. Одежда простая, без украшений. Глаза — серые, спокойные. Смотрел в пустоту, но не как человек, который сдался. Как человек, который ждал.

— Почему он?

— Потому что он единственный, кто не пытается выглядеть сильным, — сказал Лонгин. — Остальные играют роль. Он нет. Значит, либо он слаб — либо он сильнее всех.

Гермоген записал имя: **Йешуа, сын Иосифа, из Назарета.**

## **II. Первая неделя — пустыня без воды**

Им сказали идти на юг, к Мёртвому морю, и вернуться через трое суток без запасов. Ни еды. Ни воды. Ни права на ошибку. За ними следили отряды бедуинов, нанятых Лонгином.

**День первый.** Двенадцать вышли за ворота на рассвете. Среди них был Ахиор, аммонитянин с кудрявой бородой — он громко смеялся и говорил, что заслужил эту награду больше всех. Был Иуда из Вавилона — тихий, злой, с глазами цепного пса. Был Фома, которого соседи прозвали «Близнец» за его привычку смотреть на мир как бы со стороны. И был Йешуа. Он не смеялся. Он не говорил. Он просто шёл.

К ночи они разбили лагерь. Кто-то пытался копать землю

в поисках влаги — бесполезно. Кто-то молился. Йешуа лёг на камни и закрыл глаза. Фома сел рядом.

— Ты не боишься? — спросил Фома.

— Чего?

— Что не вернёшься.

— Вернусь, — ответил Йешуа. — Я не затем пришёл, чтобы умереть в песках. Фома хотел спросить: а затем? Но не спросил. Потому что сам не знал ответа.

**День второй.** Жара навалилась как живая. Двое упали. Один сломал лодыжку, оступившись на осыпи. Второй начал бредить от жажды и пил солёную воду из лужи — бедуины подобрали его, когда он уже не мог идти. **Отсев: двое. Осталось десять.**

**День третий.** Ещё трое не выдержали. Один лёг на камни и отказался двигаться — его пришлось уносить. Другой побежал обратно, крича, что это безумие. Третий просто исчез в темноте — его нашли через два дня, бредящего, но с испытания он снят. **Отсев: трое. Осталось семь.**

**День четвёртый.** К воротам крепости к полудню вышли **четверо:** Йешуа, Фома, Иуда и Ахиор. Они брели, обгоревшие, с потрескавшимися губами, но на ногах. Ахиор упал за двадцать шагов до ворот. Не умер — просто лёг и заплакал. К нему подбежали легионеры, подняли, понесли. Он выжил, но с испытания снят — не дополз.

Остальные трое из семи сбились с пути — бедуины нашли их к вечеру, но испытание они не прошли. Среди четверых,

дошедших до ворот, минуту назад был Ахиор. Теперь его нет. **Осталось трое.** Но в крепости их ждала новость: Ахиор умер через час после того, как его внесли. Не от жажды — от укуса змеи. Он наступил на гадюку, когда падал.

*«Странно, — подумал ночной стражник, записывая смерть. — В Масаде змей не бывает. Откуда она взялась?»* Он списал на случайность. Но записи не вёл.

### **III. Вторая неделя — сорок часов без сна**

Троим кандидатам запретили спать. Вокруг ходили центурионы с дубинами и били каждого, кто закрывал глаза. В углу комнаты играла монотонная флейта — один и тот же звук, раз за разом. Гермоген задавал вопросы медленно, смакуя каждое слово:

— Сколько звёзд на небе? — Если ты должен выбрать: убить друга или умереть сам — что выберешь? — Кто ты, когда никто не смотрит?

**Час двенадцатый.** Йешуа стоял, привалившись спиной к стене. Глаза красные, но открытые. Фома ходил по кругу, шевелил губами, что-то бормотал — таблицу умножения на греческом. Иуда сидел на корточках, сжавшись в комок, и смотрел в одну точку.

**Час двадцать восьмой.** Фома начал видеть то, чего нет. Сначала он тихо разговаривал с кем-то в углу — Гермоген подошёл, прислушался.

— Мама, — шептал Фома. — Мама, я не хотел. Прости меня. Я не хотел.

Никодим, стоявший за дверью, покачал головой.

— У него умерла мать три года назад. Он не успел попроситься. Сейчас это вылезло наружу.

— Снимай, — сказал Гермоген.

Фому отвели в лазарет. Он не сопротивлялся — просто плакал, глядя в пустоту. **Отсев: один. Осталось двое — Йешуа и Иуда.**

**Час тридцать шестой.** Йешуа и Иуда стояли друг напротив друга. Оба шатались. Оба почти не соображали. Но оба молчали.

Гермоген подошёл к Иуде:

— Твой товарищ умирает от усталости. Если ты сейчас ударишь его — мы сделаем вид, что не заметили. Ты останешься один. Победа. Всё это кончится.

Иуда повернул голову к Йешуа. Посмотрел в его серые спокойные глаза.

— Не надо, — прошептал Йешуа.

— Я знаю, — ответил Иуда.

Он не ударил. Он просто сел на пол и закрыл глаза.

— Я сдаюсь, — сказал он.

— Почему? — Гермоген не скрывал удивления.

— Потому что если я убью его сейчас... я никогда не узнаю, был ли он сильнее меня по-настоящему. А я хочу знать.

Иуду увели. **Остался один — Йешуа.**

Лонгин, наблюдавший с галереи, усмехнулся:

— Я же говорил. Тот, который просто сидел.

#### **IV. Третий этап — неожиданный поворот**

Пилат остановил испытание.

— Одного недостаточно, — сказал он Гермогену. — Нам нужно как минимум двое для финала. Мы не можем ставить всё на одного человека.

— У нас есть Иуда. Он сдался сам, но психологически крепок.

— И Фома. Его сняли из-за видений, но умом он острее всех.

— Ты хочешь вернуть выбывших?

— Я хочу, чтобы они думали, что выбыли. — Пилат усмехнулся. — Скажи Йешуа, что он победил. Пусть отдыхает, думает, что конкурентов нет. А Иуду и Фому отправь в Кесарию, в библиотеку. Пусть учатся. Тайно. Никто из них не должен знать, что есть ещё двое.

— И сколько в итоге будет кандидатов?

— Трое. Йешуа, Иуда, Фома. Но каждый будет думать, что он единственный. А настоящий финал наступит тогда, когда никто из них не будет готов.

Гермоген покачал головой. Жестоко. Эффективно.

## V. Кесария — пять месяцев учёбы

Йешуа отправили в Кесарию первым. Ему сказали, что он победил. Его поселили в лучшей комнате дворца Ирода, кормили мясом и фруктами, дали слугу.

— Отдыхай, — сказал Никодим. — Через неделю начнётся обучение.

— Чему?

— Как стать богом.

Йешуа не засмеялся. Он только кивнул.

Через три дня в Кесарию тайно привезли Иуду. Его поселили в подвале библиотеки — окна зарешечены, дверь запирается снаружи. Ему сказали, что он на испытательном сроке.

— Ты не победил, — сказал Гермоген. — Но ты можешь вернуться в игру, если докажешь, что умнее того, кто победил.

— Кто победил? — спросил Иуда.

— Не твоё дело.

Через неделю привезли Фома. Он всё ещё вздрагивал по ночам, видел мёртвую мать. Но голова работала ясно. Ему дали восковые таблички и сказали: учи. Фома опустил голову. Пять месяцев учёбы. Без права выйти.

— А если я откажусь?

— Мы убьём тебя, — ласково сказал Гермоген. — Ты видел слишком много.

Фома взял таблички и начал учить.

### **Пять месяцев спустя.**

Никодим проверял память каждого — отдельно, в разных комнатах. Йешуа отвечал быстро, без запинки. Он не просто запоминал — он понимал, переиначивал, находил новые смыслы. Иуда зубрил как маньяк. Его ответы были точны, как удары ножом. Но мёртвые. Ни одного лишнего слова.

Фома был медленнее всех. Но он задавал вопросы, которых Никодим не ожидал.

— Почему в псалме двадцать втором Бог оставляет человека? — спросил Фома. — Это отчаяние или стратегия?

— Что ты имеешь в виду?

— Если ты бог — ты можешь спасти. Если не спасаешь — значит, или тебя нет, или человек тебе не нужен. Так зачем тогда молиться?

Никодим записал вопрос на отдельную табличку и послал Пилату. Прокуратор прочитал и усмехнулся:

— Фома опаснее всех. Он не просто сомневается — он раскапывает корни. Сделайте из него скептика-апостола. Его роль будет самой жестокой.

## **VI. Четвёртый этап — пытка. Эксперименты**

Пилат выбрал троих. Теперь нужно было оставить одного. Но перед этим — эксперименты.

— Найди мне отказников, — сказал Пилат Никодиму. —

Тех, кого мы отсеяли. Им всё равно не жить — или они слишком много знают, или их семьи получают компенсацию. Мы будем ставить опыты на них. Чтобы найти самый чистый способ пригвоздить человека к кресту, не убивая его.

Никодим побледнел.

— Ты предлагаешь ставить опыты на живых людях?

— Я предлагаю тебе спасти жизнь нашего актёра, — холодно ответил Пилат. — Если ты ошибёшься на кресте — он умрёт по-настоящему. И мы потеряем всё. Ты хочешь рискнуть без экспериментов?

Никодим молчал три дня. Потом пришёл к Лонгину и сказал:

— Давай своих отказников. Будем ставить опыты.

**Протокол №1 — руки.** Кандидату вбили гвоздь в ладонь. Через сорок минут гвоздь прорвал плоть — рука сорвалась с креста. Вывод: ладонь не годится.

Кандидату вбили гвоздь в запястье, между локтевой и лучевой костями. Крест подняли. Кандидат висел шесть часов. Гвоздь не прорвал плоть — кости держали. Но кровотечение было сильным — гвоздь задел артерию. Вывод: целясь между костями, но обходи артерии.

Третьему кандидату перетянули предплечья жгутами, вбили гвозди под углом, прижимая ткани к кости. Запястья привязали верёвками к перекладине. Кандидат висел девять часов. Выжил. Вывод: гвозди в запястья, под углом 30°, верёвки, жгуты.

**Протокол №2 — ноги.** Первому кандидату вбили гвозди в пятки. Кости треснули под весом тела, опора исчезла — задохнулся на третьем часу. Вывод: пятки не годятся.

Второму — в щиколотки. Выжил, но не мог ходить три месяца — гвозди повредили сухожилия. Третьему — в свод стопы, между костями предплюсны. Висел восемь часов. Отталкивался ногами без труда. Выжил. Через месяц ходил. Вывод: свод стопы — идеально.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.